

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Олино Лето. Часть 2: Самая красивая женщина

В золотом городе моего солнечного детства меня встречали мамина старшая сестра — моя тётя и её, как выяснилось позже, любовница. Но, обо всём по порядку.

Тётя Люда, настоящий самородок в нашей большой семье. Дикий, неграненый, постоянно выпадающий из кольца. Сменила трёх мужей и, думаю, немалое число любовников и любовниц, в чем я убедилась на личном опыте. Имела двух взрослых сыновей, рожденных от двух разных браков, когда ещё по современным меркам, пребывала далеко от совершеннолетия. Живой скандал. Хотя по горным обычаям это было хоть и рановато, но в целом, для девочек, нормально.

В отличие от моей мамы карьера Люды была такой же стремительной, как и её личная жизнь.

Рожденная в военном городке, где-то в Карпатах, она умело перебралась в Киев с родителями первого мужа. С медалью, вторым ребёнком и новым тайным любовником закончила среднюю школу. Развелась с первым и снова свадьба. Блестяще выпустилась из столичного «Физкультурного», имея высшие разряды по академической стрельбе, биатлону и магистра по реабилитационной медицине. Была ассистентом главного штабного военного врача в Афганистане, сирийцем, за которого и вышла замуж в третий раз. К тому моменту оба её сына уже заканчивали морские академии в Одессе и Симферополе, готовясь к сборам. Думаю, маму они видели крайне редко.

К моему совершеннолетию, Тётя занимала должность зав отделением физкультурной медицины в «первой» гор спец больнице, и была не только замом главного врача, но и состояла в тесном знакомстве, с очень особенными людьми, которые в таких учреждениях оказывались после «сложных командировок» в горячие точки. Папа не без оснований полагал, что она «чекист».

На мой же юный восторженный взгляд, Тётя была настоящей карьеристкой с выдающимися внешними данными. Высокая. Красивая лицом — славянские мягкие черты смешанные с горными крутыми скулами и редкими зелёными глазами. Роскошными длинными темно-рыжими волосами, лучащимися жизненной силой и здоровьем. Покрытая, бронзового цвета кожей от обилия солнца и носительница множества тёмно-красных веснушек. Шикарная фигура. Крепкие плечи, большая грудь, живот, еще помнивший спортивные рекорды, широкие крутые бедра, давшие стране двух крепких сыновей и длинные сильные ноги. И конечно же, упругая большая попа. Всё то, что присуще крупным женщинам, бывшим спортсменкам, которые неравнодушны к еде и хорошей компании.

В общем, всего в Тёте было много и здоровья, и сил, и красоты, не говоря уж о социальном статусе и харизме.

Она стояла в зелёном, неприлично обтягивающем и столь же неприлично коротком мини-платье. В обилие золота на шее, запястьях и пальцах. В лакированных синих туфлях на шпильке, она казалась высоченной.

— Божешь ты мий, ты дывы яку поганку блидну прыслалы! — тётка раскрыла объяття и по-мужски сграбастала меня прямо с трапа. Обняла. Тело ее было твердым и сильным. Груды упруги, словно под коротким платьем были надуты два больших воздушных шарика. Она резко разомкнула объяття и чмокнула в губы.» Необычно«.

— Познаёмся, цэ моя... Коллега Марьяна! Она з Пэрсии... — тётя задорно рассмеялась, отстранилась, цокая набойкой и указала на Неё. И в тот самый момент я пропала.

Мария была потрясающе красива. По крайней мере, она мне запомнилась именно такой. Возможно, сыграли злую шутку гормоны и мой сексотоксикоз, а может она и действительно была настолько привлекательной.

На голове длинное каре волос цвета воронова крыла. Несколько сумбурная укладка. Я бы сказала стильный хаос. Правильные, но совершенно непривычные черты лица. Потрясающе бездонные карие глаза. Крупноватый нос с горбинкой и красивые, сексуальные губы.

Мари чуть выше среднего роста. Приталенная, полупрозрачная голубая блузка с коротким рукавом эффектно подчеркивает среднего размера грудь, которая дерзко натягивает петельки пуговиц. Маленькие кармашки с трудом скрывают крупные горошины сосков. Блестящий шелком воротничок поднят вверх. На очень смуглой шее ярко блестит золотой кулончик с изображением полумесяца и звезды. Во звездочке бриллиант.

Джинсовые шорты (Вау!) малы на пару размеров и откровенно обтягивают интимчик между соблазнительных бёдер. Красивые загорелые ноги в высоких кедах с каблучком на босую ногу (никогда не видела таких) японские «ТосиЭйр», но тогда я таких слов не знала. Современный по нынешним меркам прикид, тогда выглядел диковинно и совершенно необычно.

Настоящая иностранка! А лично для меня так и вообще, жительница другой планеты.

— Марьяна, — она лучезарно улыбнулась и протянула мне для пожатия руку.

— Оля, — я почему-то покраснелась и коснулась её.

— Salam! Olja! — она рассмеялась и поцеловала меня в обе щеки, влюбив в себя окончательно.

Вдыхая ее необычный и приятный запах, я заметила двух юношей в форме, которые опустив глаза, рассматривали фигуры женщин меня встречавших.

— Так, вы оба! — Людмила повернулась к молодым людям. — Чёго рты раззявыли, як оти бараны, а ну сумки в руки и до машины, раз-два!

Я не видела тётю почти пять лет, последний раз я гостила у неё, когда мне было двенадцать, но тогда я была образцовой девочкой отличницей, увлечённой биологией, ботаникой и тайными грёзами об интимных переживаниях, которые оставались лишь в моём воображении. Сейчас же, честно говоря, я была шокирована таким солдафонским поведением. Дома она была другой, совсем другой.

— Бегом я сказала!

Мальчики проворно взяли мой чемодан и небольшую дорожную сумку и поспешили к выходу.

Командирский вагон стоял в самом конце, поэтому народу, практически, не было.

Коза-проводница исчезла, еще до того, как юноши вошли в вагон.

К моему немалому удивлению, тётя бегло заговорила о чем-то с Мари, на языке, который я никогда раньше не слышала.

— Цэ Фарси, — Люда подмигнула, заметив мою реакцию и продолжила разговор, указывая то на меня, то в сторону, откуда пришел поезд. — Про тэбэ балакаэмо.

Кивнула, заражаясь улыбкой Марьяны. — Давай, рахуй за нами!

Я чуть отстала, глядя на обтянутые тканью попы. Такие разные, но обе очень сексуальные.

Большая и упруго спортивная в зеленом. Соблазнительная в джинсе, правильной формы, словно перевернутое сердечко. Обе красиво поочередно, напрягались при ходьбе.

Засмотрелась. Неожиданно, поймала себя на мысли, что не вижу контуров белья, под такими

туго обтягивающими одеждами. Удивилась и одновременно поразилась, уж не голые ли они там. Сразу запретила себе об этом думать, почувствовав приятное волнение внизу живота и одновременное смятение вызванное влечением к тётке, непростым интересом к её подруге и укусами моей пуританской совести о серьёзной неправильности подобных желаний.

Я отстала еще и неожиданно услышала, разговор мальчишек... Один, оказывается, в красках описывал, как до изнеможения «любил» бы мою тётку и что за такой зад и бюст он был готов умирать и умирать, кончая. Второй усмехнулся и сказал, что при таком росте, как у неё, между ног должно быть такое «лоно» (на самом деле он выразился гораздо более грубо), что он там со своим «смычком» будет как карандаш в стакане. Я невольно улыбнулась. Было пошловато, но смешно. Первый мальчишка фыркнул ответив, что и за такую попу умер бы, «залив» основательно. Это показалось чем-то новым и неприятным.

Второй не согласился, и парировал, что так много плоти ни спереди, ни сзади не в его вкусе и, что он с большим бы удовольствием уложил ту белокурую «целочку» с поезда. Я сначала не поняла о ком речь и что он имел виду.

Второй мальчишка, помолчав, согласился с другом, сказав, что «красотка» хороша и прическа класс... А ноги вообще супер и жаль, что не в шортах, потому что попка «офигенная».

— «Они что же обо мне?» «Да как они посмели!» «Ой, а приятно!» «Дураки...» А потом я подслушала, что у меня «беспонотовые» трусы. Расстроилась. Хотя и так об этом знала.

Вскоре мы влились в вокзальный поток, и я перестала их слышать. Хотя было интересно, насколько просто и прямо парни называли вещи, которые во мне вызывали трепет. Специально решив их подразнить, перешла на свою фирменную «кошачью» походку. «А я нравлюсь ребятам!» — улыбаясь про себя приятной мысли, я опять украдкой взглянула на Мари и под сердцем сладко ёкнуло.

Темно-рыжая голова впереди повернулась, явно ища меня.

— Давай сюды, до мэнэ! — тётка сбавила ход, закончив щебетать на чудном мелодичном и чуть поклацывающем языке, тоже сбавила ход и крепко обняла меня за талию, так, что я почувствовала как напрягаются мышцы её сильных бёдер.

— Я дуже рада, щё ты прыйхала... — она обняла меня еще крепче, хотя куда уж там было... — Ох, яка худюсенька... ну цэ ничего, откормлю тебя так, щё мужики геть уси попадають там у вашему Петрогради! — она весело рассмеялась и мы вышли с перрона в огромный зал киевского Центрального. Ох и жарница там была.

А еще я заметила, что одежда моих спутниц, оказывается, не выделалась чем-либо особенным. Даже наоборот, стала казаться нормальной, по сравнению с тем, что я увидела на девушках и женщинах, встречающих своих северных родственников или же просто спешащих по своим делам. У меня сложилось впечатление, что с падением «Союза», рухнули и законы морали в моде. Словно вырвалось на волю столь давно подавляемое желание самовыражаться и теперь обретшее полную свободу, но как всегда, с местным колоритом, которому слабо известно чувство меры.

Цветные, яркие, обтягивающие и короткие. Груды, животы, попы и ноги. Не всегда уместно подчеркнутые, но, на удивление, покрыты очень хорошей тканью и с претензией на наличие вкуса.

Практически, полное отсутствие лифчиков. Поэтому всё вокруг упруго вздрагивало, дерзко топорщилось или тяжело колыхалось в красивых платьях, блузках и футболках. Я уж не

говору про ноги и ягодички, которые мелькали уже смуглые, не смотря на май, и были разной степени оголенности. И, конечно же, обилие украшений и модной летней обуви на каблучке и без него, призванные отвлекать взгляды от всего этого обилия плоти.

Лично меня восхищали крутые и узкие контуры белья, видные сквозь ткань или плотно ею обтянутые, выдающие, как мне тогда казалось, совершенно разнузданный образ жизни их хозяек. Хотя, да, выглядело это сексуально. И да, я чувствовала себя синим чулком в плотном лифчике, в трусах «ХаБэ», на которые я сама переводила утюгом наклейку ананаса, так как все другие фрукты уже перешлёпал на футболки мой брат. В неприлично длинном, судя по одеждам местных, платье, которое было хоть и выше колена, но до экстремальной краткости одежд людей вокруг, ему было как рясе монахини до мини юбки уличной путаны.

Все таки, наличие в южной стране одного из крупнейших торговых морских портов, черного моря и хлынувших из Турции европейских «тряпок», наложило свой отпечаток на качество и внешний вид. Даже мужчины выглядели на заглядение и, признаюсь, сексуально. Забавно, помню, что тогда можно было сразу найти в толпе приезжих, которые, упакованные в невзрачные летние одежды, также как и я, с интересом разглядывали полубогаженных, красиво одетых местных жителей солнечной Столицы.

Ребята, как выяснилось, аспиранты военной мед академии, проходили у тётки практику на отделении, наверняка получили зачет по практике, отнеся мои чемоданы к машине и, не сомневаюсь, вдоволь обсудив по пути наши задницы.

Людмила же, довольно резко их поблагодарила, и сказала, чтобы завтра пришли к ней с зачетной ведомостью и отпустила. Сама же уселась за руль красивой, как мне тогда казалось, ярко-голубой Лады. Марьяна села рядом, а я на заднее сиденье. Внутри была духовка! Открыв окна мы, по воле тётки, отправились гулять по городу. Самым распространённым теперь, до некоторых событий, туристическим маршрутом, но в те времена просто красивым местам.

Не смотря на жару, я постоянно ощущала легкий озноб в присутствии Марьяны и «случайных» прикосновений к ней. А также, к моему стыду, от форм Людмилы, которая постоянно поправляла обтягивающее платье. Оно было без бретелек и держалось только на резинке выше груди, от чего та постоянно норовила выскочить из своего тугого плена, каждый раз, когда тётка начинала обильно жестикулировать видя, по её мнению, что-либо красивое и весеннее или пришедшее в запущение сразу после падения советской власти.

При этом она нисколько не реагировала на раздевающие взгляды мужчин, которые чуть ли головы не сворачивали, разглядывая её полуголые формы. Странно, но Марьяна вызывала куда меньший интерес со стороны мужского пола, нежели моя высокая и крупная тётка. А я ревновала, потому что из-за неё на меня вообще никто не смотрел.

Общались мы, в основном на английском. Иногда женщины переходили на Фарси.

Сначала я стеснялась, потому что у меня никогда не было «живой» языковой практики, но видя, как не парится по произношению моя тётка, хотя и говорила она правильно, и на то, как делает ошибки в речи сама Марьяна, я раскрепостилась и вскоре щебетала, как синица. Обе женщины постоянно касались меня, привлекая к себе внимание. Мне это очень нравилось.

Гуляли мы до вечера. Я с интересом глядела по сторонам — на девушек, парней, мужчин и женщин, с удовольствием уплетала в парках мороженное, облизывая его так, что Марьяна иногда мне подмигивала, когда я в очередной слизывала текущее на жару лакомство, случайно наблюдая за проходящим мимо симпатичным юношей, непроизвольно думая о его члене. Кажется, моя озабоченность тогда достигла апогея.

Я смущалась, но против воли продолжала заигрывать со знакомой Людмилы, тайком разглядывая обеих, когда была уверена, что они не видят моих явно похотливых взоров. От жары, которая постепенно спадала, я была разогрета снаружи теплом солнца, а изнутри желанием, которое накрывало меня волнами, от нестерпимо сильного до плавного томительного.

Вечером мы вернулись в центр, где, как я понимаю, гостила Марьяна. В двухэтажной квартире в сталинском доме на улице Пушкина.

Людмила по мнению отца была не только, «скорее всего чекисткой», но и совершенно точно «рожденной в лифте». Она патологически никогда и никуда не закрывала двери, чем откровенно раздражала моего папу во время своих редких визитов к нам в Ленинград.

Я присела, открыв свой чемодан, оставленный у входа в большую гостинную. На кухне всё еще шумела вода, Марьяна мыла посуду после вечернего салатика с вином. Я впервые пригубила домашний алкоголь и в теле стало приятно легко, а в голове глупо и шумно.

Мне очень нужен был душ, потому что я провела целый день на жаре в обществе двух красивых женщин, со всеми вытекающими интимными последствиями. Но еще сильнее я хотела избавиться хотя бы от лифчика, потому уже все и так натерло и вообще, было не комфортно.

Футболки были на самом дне, так что я просто быстро скинула бретельки платья и наконец выпустила на волю своё небольшое сопревшее сокровище. Подумав, сняла и трусики. Аккуратно вытерла ими «хлопик» между ног, бережно сложив, убрала белье в отдельную секцию, поправила платье, стараясь как-то придать груди пристойный вид. Закрывает чемодан. Только собралась идти обратно, как вдруг, какое-то движение привлекло мой взгляд. Я остановилась и посмотрела из-за двери в отражение зеркала в коридоре. Людмила зашла в небольшую ванную, естественно, оставив дверь нараспашку. Оставаясь повернутой спиной ко входу она, расстегнула молнию сбоку на тугом платье и, поддев руками верхний край, потянула его вниз, невольно демонстрируя мне крепкую и сильную спину, а затем ниже... Внутри меня сразу стало жарко. Умом я понимала, что мой токсикоз дошёл уже до того, что меня возбуждает родная тётя и, честно, мне было стыдно и конфузливо, но взгляда я всё равно оторвать не могла.

Людмила грациозно изогнулась и сбросила одежду. А я наконец поняла, почему не видела следов белья. Две тонкие зеленые, в цвет платья, бретельки высоко огибали талию с двух сторон, соединяясь вместе, ныряли вертикально вниз между большими. Впервые в жизни я увидела стринги. И это выглядело потрясающе сексуально. Однако, долго линиями такого белья мне любоваться тайком не довелось. Тётя одним уверенным движением стянула их вниз и бросила в стиральную машину. Подняла платье, аккуратно сложила и повернулась к зеркалу, распустила волосы и стала снимать украшения. Она была потрясающе хорошо сложена. Сильная, крепкая с большой грудью, которая хоть и не вздымалась вверх, но выглядела натурально и очень соблазнительно.

Она провела ладонями по телу, глядя перед собой и явно любуясь. А я сально смотрела на линию живота, бедер и упругий ковшик попы, пока она снимала кольца и собирала в пучок на затылке длинные волосы. Затем Людмила развернулась спиной к двери, расшторила ванную, включила душ. Вздогнула. Отскочила. Встала на носки и попыталась что-то включить сверху, но отпрыгнула снова. Все это время я наблюдала в отражении за её голым и сильным телом, откровенно пялясь на круглые, словно мячи ягодицы, невольно, в который раз

возбуждаясь за сегодняшний день.

— Марьяна!!! — услышала я командный голос Людмилы. Развернувшись, тётя стала поправлять волосы, которые успели вылезти из узелка, от резких движений руками её груди упруго и тяжело колыхались, а я, прикусив губу, увидела гладкие подмышки, и, облапав роскошное тело взглядом, облизнулась на аккуратную вертикальную линию тёмно-рыжих кудряшек, которая широкой полосой разделяла пополам покатый и крупный лобок. Людмила явно следила за своим телом.

В тот же миг шум крана на кухне резко прекратился. И в коридор вышла моя желанная жемчужина востока. Шла женщина на носках, поправляя волосы. Увидев обнажённую Людмилу, она, сложив ладонь веером, помахала перед лицом, будто бы её бросило в жар от увиденного и рассмеялась. Она была поразительно легка и сексуальна в общении.

Марьяна вошла в комнату, подошла к краю ванной и, вытянувшись, стала что-то крутить в душе, а тётя ей что-то объяснять, обильно жестикулируя.

Я чувствовала себя очень странно. Глядя из укрытия, я понимала, что подглядывать нехорошо, но любопытство и эротизм не оставляли и шанса для морали.

Людмила, отошла и встала у раковины, согнув одну ногу в колене, приняв позу величественную и грациозную, она стала снимать кольца с пальцев и складывать их на стеклянную полку у зеркала.

Откровенно пялясь на её широкие бедра и рыжую полосу под животом, я медленно провела рукой себе по ноге под платье и плавно прижала двумя пальчиками вздрагивающий клиторок к упругим губкам. Мне надоело быть хорошей девочкой, постоянно подавляя в себе нетрадиционные желания.

Марьяна, тем временем, встала на носки, вытянулась, стараясь понять, что там с нагревателем. При этом её шорты натянулись, аппетитно обтягивая широкие и очень красивые ягодицы. Наблюдая то за одной, то за другой, я делала плавные круговые движения, чувствуя, как снова становилась скользкой.

Людмила закончила с украшениями и села на стиральную машину, уперев руки в края, выпрямив спину и отведя назад плечи, стала смотреть на свою спутницу. А я чуть ускорила, в который раз прикусывая губу.

Марьяна явно с трудом доставала до крана, почти влезла в ванную и радостно воскликнула, когда внезапно и резко зашумела вода. Она снова вскрикнула, явно испугавшись напора и подалась назад, брезгливо стряхивая при этом руки и наигранно печальным видом повернулась к моей тёте, показывая, как она вся облилась. Та, сокрушенно покачав, головой, стянула со змеевика полотенце и стала вытирать мою Звёздочку Востока. Она что-то ей говорила и Марьяна улыбалась, а Людмила очень бережно, как мне тогда показалась, с особенной заботой вытирала воду с волос, лица и шеи... А потом, перехватив полотенце под мышку, стала расстегивать намокшую голубую блузку. Я задышала тяжелее, испытав укол ревности, но при этом все равно продолжила поглаживать своё скользкое лоно вдоль упругих губок, а свободной рукой сильно сжала сосок сквозь тонкое платье — больно и приятно одновременно.

Марьяна чуть придвинулась и развернулась ко мне спиной. Позволив наблюдать, как обнажается гибкий стан её спины. А затем четыре пары женских рук, взялись за тугие шорты и стащили их. Красавица Персии в бывшем СССР поочередно двигала соблазнительными бёдрами, помогая плотной джинсе скользить вниз.

Боже! Какая же у неё была восхитительная попа. И, конечно же, как и Людмила она была в стрингах, только белого цвета. И, конечно же, белое узкое бельё смотрелось потрясающе на загорелой коже. Я непроизвольно быстрее задвигала рукой между ног. Мне нестерпимо захотелось коснуться её! Ощутить прикосновение к этому столь красивому и сексуальному телу. Внизу у меня всё внезапно вздрогнуло, и от напряженного под ладошкой клитора сорвались колючие молнии, легко вспыхнув внутри живота слабым салютиком оргазма. В квартире было жарко, и от внезапно накативших эмоций у меня стала кружиться и болеть голова.

А сцена в ванной как будто бы замерла. Марьяна, кажется издала стон и глубоко вздохнула, удерживая что-то перед собой руками. А то, что при этом делала тётя, я не видела, наблюдая лишь её длинные сильные ноги, и полотенце, которым она обтирала мою красотку. Люда снова сидела на стиральной машине.

Марьяна переступила с ноги на ногу, от чего её прекрасные ягодицы поочередно напряглись, а во мне снова заиграли искорки мини-оргазмиков, стремительно угасая, не давая и капельки удовлетворения. Каждый раз я замедлялась почти на грани, не давая своему телу вспыхнуть окончательно. А потом я увидела уже знакомую кисть Людмилы в ярком макияже у Марьяны на талии, которая ухватив бретельку стринг, потянула её вниз.

Внезапно я подумала, что если они уйдут под душ вдвоем, я умру на месте от зависти и ревности. Основательно решив этому воспрепятствовать, я убрала руку, обтерев пальцы о внутреннюю оборку платья, я решила привлечь к себе внимание, чтобы в душевой не случилось секса между двумя разными, но такими потрясающе красивыми женщинами.

Но!

Поймав руку тётя, моя воздыханная смуглая красавица, отстранилась и замотала головой, запрещая себя раздевать полностью. Людмила же пожалала плечами, открыла стиралку и отправила мокрую одежду следом за трусиками. Хлопнула дверцей. Поднявшись во весь свой немалый рост, кивнула Марьяне в сторону гостиной, «мол, выходи». Развернулась и встала в ванную, о чудо, резко зашторила за собой прозрачную занавеску с изображением падающих фруктов. Я тогда внезапно подумала, что как это можно стирать зелёное и синее вместе.

А потом... А потом Марьяна, совершенно не стесняясь своей наготы направилась ко мне в гостиную, на ходу поправляя волосы. Я резко отстранилась от края двери и невольно запаниковала.

Я поправила платье и отошла в сторону, делая вид будто бы заинтересовалась фотографиями на высоком комодке... И вскоре мне действительно стало интересно.

Черно-белые и редкие цветные фотокарточки в небольших деревянных рамках, на которых моя тётя в незнакомой мне форме, в основном на фоне пустыни и необычных машин, в окружении преимущественно военных мужчин с суровыми сирийскими лицами. Некоторые стояли с флагами, изображающих месяц и странную вязь букв. Были и редкие европейцы на фоне транспарантов с глобусом в лавровых венках. На одной из редких цветных фото, очень симпатичный, высокий и жилистый мужчина в форме, явно иранец или сириец, обнимал мою тётю за талию. налитые соски. — Я раздета... — Марьяна неловко махнула рукой назад по направлению в ванную — Намокла... — она подбирала слово — Душ, включать.

— ... — так и не найдя в своём английском лексиконе нужного ответа, я пожалала плечами и повернулась обратно к фотографиям в рамках, которыми была уставлена столешница комода. Я изо всех сил старалась не смотреть, как вошла в душную гостиную ослепительная нагота в

белых кружевных стрингах. Моё сердце в груди забилося так сильно и стремительно, как будто бы собралось выпорхнуть наружу и разбиться вдребезги об Марьяну.

— Ох! Ну и жарко у тебя здесь! — дивная иностранка направилась напрямиком к большим окнам. И остановилась около, как мне тогда показалось, большой белой батареей. Присев на корточки, она стала что-то с ней делать. В жаре, возбужденная и взмокшая, я неожиданно поймала себя на мысли, что понимаю настроение того юноши, который собирался «возлюбивать» мою тётю до потери сознания. Глядя на тонкие бретельки нижнего белья вокруг потрясающих ягодиц я была готова делать то же самое с Марьяной.

— Вот так... — моя воздыханная чем-то щелкнула на «батарею» и та заурчала, выдувая воздух. А я испугалась, что она включила отопление. Вот так состоялось моё первое знакомство с напольным кондиционером.

— Сейчас будет... ммм... холодней, — Марьяна распрямилась, повернулась и направилась ко мне.

Боже мой, я не могла оторвать своего сального, озабоченного взгляда от её фигуры. Изыщная шея. Спортивные плечи, красивые, упруго торчащие в стороны и вверх смуглые груди, большие шоколадного цвета соски. Плавные линии живота, с пирсингом в пупке. Наконец, за пределом воли и морали, я с благоговейным вожделием рассмотрела иссиня-черные завитушки волосиков «интимчика» с вертикальной складкой темных половых губ под прозрачной кружевной тканью нижнего белья.

Меня словно кипятком обдало, а в ушах, висках и внутри живота горячо запульсировало. Я вдруг подумала, что могу кончить просто вот так, стоя, и глядя на то, как обнаженная Богиня Сирии шаг за шагом приближается ко мне.

— Оля, что случается с тобой? — Марьяна с озабоченным видом подошла и положила мне ладонь на лоб. — Девочка! Ты горюшь!

— Нет... — я тряхнула головой и перед глазами всё поплыло.

— Ты перегралась! — Марьяна продолжала касаться моего лба, щёк и шеи.

— «Еще как!!!» — подумала я, но смолчала, желая, чтобы эти прикосновения никогда не закончились. Украдкой посмотрела на её грудь, внезапно удивившись росчеркам алой помады вокруг сосков. «Людмила?».

— Подожди! — богиня снова присела, теперь уже у моих ног, и раскрыла нижнюю полку комода. Там оказался холодильник. Я снова была удивлена морозильником в гостинной. Это был мини-бар. Звякнув бутылочным стеклом, она вытащила лоток с кубиками льда, распрямилась и приложила к моим беснующимся вискам холод.

— Ох... Спасибо! — ответила я, глядя ей в лицо, которое было чуть выше моего и неожиданно отчаянно утонула в её бездонных черных глазах и только лёд не дал мне остаться там навсегда.

— Раздевайся... — Марьяна деловито убрала холодок в лоток. — Одну секунду... — она вышла из гостинной.

Я осталась стоять обалдевшей. Может она что-то не то имела в виду. Раздеваться, я конечно же не собиралась, хотя бы потому, что была без белья и отчаянно возбужденной.

Мой взгляд неожиданно упал на яркие, явно сделанные недавно, цветные фотографии приколотые булавками к песочным обоям за дверью. Так сразу и не заметишь.

На первой сверху, Марьяна и Людмила в цветных узких купальниках, бикини, как сейчас бы сказали, держались за руки и ловили вместе морское закатное солнце. Классика.



На второй, уже знакомый жилистый мужчина обнимал Марьяну сзади, та весело смеялась, прикрывая красивое тело руками. Купальника на ней не было. Наверное, фотографировала тётя. И последняя, третья, была прикрыта заколотым поверх тетрадным листочком в клетку с изящной арабской вязью написанной от руки ручкой и нарисованным сердечком в половину страницы. Прислушавшись к возне на кухне, я протянула руку и приподняла листок. Я не сразу осознала увиденное, а как поняла, сердце моё дало сбой, а глаза распахнулись шире.

В ярких лучах солнца, босыми ногами в лазурной пене стояла моя тётя, совершенно нагая. Волосы её спутались на ветру, падая каштанового цвета волнами на красивое лицо. Поза её казалась расслабленной и излучала силу здорового женского тела. Она была словно Венера Милосская, которой вернули руки и окончательно сняли одежды, наделив при этом большой грудью. Плечи напряжены и отведены назад. Одна сильная нога слегка согнута в колене, а вторую, подобрав под себя колени и сексуально изогнув спину, обнимает Марьяна. Тётя смотрит вниз, на свою спутницу, держа одну руку у неё на голове, второй прикрывает нижнюю часть своего живота. Во взгляде её тоска и любовь. Дивная жительница востока глядит вверх с застывшей мольбой, прижимаясь всем телом к крепкому бедру.

Сцена мне показалась бесконечно чувственной и эротически нежной.

Сарацинка вернулась очень скоро, держа в руке небольшое полотенце. Войдя, она стала сноровисто переключать лёд из лотка в вафлю. Коротко взглянула на меня.

— Раздевайся! Ты сейчас в обморок упадёшь...

— ... — я упрямо замотала головой, понимая, что к такому повороту событий я совершенно не готова.

— Алэанид фата&quot;том! — пропела на своем языке красавица, отложила полотенце, повернулась ко мне и протянула руки к платью.

Я хотела было ступить назад и противостоять такому покушению на моё возбужденное, неудовлетворенное и озабоченное личное пространство, но не смогла, переживая бурю эмоций внутри себя, в которой смешались совесть, предубеждения и похоть.

Тем временем, длинные и красивые пальцы легко и умело справились в пуговицами на моём любимом платье. Развязали поясок на талии. Легким движением рук, Марьяна сбросила бретельки платья с плеч и чуть потянув вниз ткань на талии, дала упасть моей летней одежде к ногам на теплый, пахнущий деревом паркет.

Богиня удивленно вскинула брови.

— Вся белая... — сказала она, зачарованно глядя на моё обнаженное тело.

Скажу по правде, комплимент был сомнительный, но, судя по реакции Марьяны, там у «них» белый цвет вызывал особенный трепет.

Помню, как еле сдерживала в себе желание прикрыть наготу. Но еще больше я хотела, чтобы она смотрела на меня и дальше. Я испытывала в себе то очень необычное и новое ощущение, которое я назвала «быть готовой для траха», когда всё тело начинает волнами излучать секс, притягивая к себе партнёра.

— Очень красивая... — она откровенно осмотрела меня. Затем положила свои прекрасные, ухоженные руки мне на плечи и нежно провела ими вниз, касаясь большими пальцами края моей напряженной груди.

Меня пронзило жаром. Спину обдало холодом из «батареи» и на этом контрасте температур я задрожала и, что есть силы, воткнула короткие ногти в ладони, чтобы не лишиться чувств от счастья и возбуждения. Марьяна же, тем временем, заморожено смотрела, как багровеют

мои соски, хотя мне становилось больно от такого неконтролируемого возбуждения.

— Очень красивая... — повторила она и бережно убрала руки с плеч, коснувшись моего небольшого упругого сокровища, обведя кончиками пальцев по самому чувствительному месту вокруг твёрдых сосков. Я невольно подалась назад закрываясь. Но Марьяна неуловимо плавным движениям приблизилась, приобняла и прижала меня к себе, улыбаясь. Глаза её блестели игривой кошкой.

Впервые я испытала совершеннейший трепет от прикосновения чужого обнаженного тела к своему. Я всё мечтала, как это на самом деле и наконец-то ощутила и до сих пор помню то восхитительно пьянящее чувство касаний теплой и шелковистой смуглой кожи к моей. Живот к животу. Грудь к груди. Я даже почувствовала её горячие соски своими. Ах! Мне даже стало наплевать, что на них помада моей тёти.

А потом её божественно сексуальные губы коснулись моих. И я стала таять как льдинка, выброшенная на ассирийский песок в полдень. Целоваться я не умела, но очень быстро училась, повторяя движения Марьяны.

Так наши губы вскоре покрылись слюной, а её язык стал совершенно неприлично заигрывать с моим, в моём же рту! Мы обе засопели от страсти. Я осмелела и трепетно коснулась её талии. Сначала многое, из того, что делала со мной Богиня Востока, казалось чрезмерным вторжением в мою очень личную зону, но от умелых и настойчивых эротических движений мне всё и сразу начинало нравиться. В теле в таком множестве проявлялись и сияли новые переживания и эмоции, что я, как на качелях, взлетала от смущения и стыда, до интереса и наслаждения.

Несколько раз, волшебно ласкающие мою спину и ягодицы руки пытались проникнуть к самому сокровенному, но я, не понимая себя саму, напрягалась и крепко сжимала вместе ноги, протестуя.

В какой-то момент я стала задыхаться от поцелуя, потому что воздуха от такой бури эмоций стало резко не хватать. Словно чувствуя меня всю, Марьяна вышла из моего рта и сладко всосала подбородок, затем нырнула языком под скулу и стала целовать мою шею облизывая нежную кожу. Вот тут-то я поплыла по-настоящему! Это было снова ново и на этот раз просто нестерпимо приятно! Я кажется издала какое-то совершенно похотливое мычание и непроизвольно расставила ноги, давая понять, что вот сейчас я готова абсолютно. Отлично читая мои девственно чистые и яркие реакции тела, Марьяна опустила руку и вскоре ладонь прекрасной женщины оказалась между моих бёдер, где заскользила умело и сильно. Захрипев от вожделения и похоти, я привстала на носочки, чувствуя как поднимается вверх от разгоряченного и мокрого лона обжигающе колючая волна оргазма. Страстные губы Марьяны ни на секунду не останавливали ласк, а я дурела от её горячего дыхания и толчков рукой под животом, а потом внезапно, глубоко вдохнув, резко взорвалась салютом яркого экстаза.

Я хрипела не в силах кричать и отчаянно цеплялась за её плечи руками, стараясь не упасть. Вся нижняя часть моего тела мелко тряслась, даря ни с чем не сравнимые до того момента переживания. Я стояла на напряженных носках, пытаюсь унять бивший во мне фонтан. Однако резкие и сильные движения кисти Марьяны поднимали меня на пик наслаждения раз за разом!

Испытав серию восхитительных пререживаний, я обмякла и, обвив шею Жемчужины Пустынь, повисла на ней, с трепетом ощущения упругости её форм на своём подрагивающем

теле. Она же, перестала целовать мою, как оказалось, супер эрогенную шею, чмокнула меня в щеку и прижалась головой ко мне. Так мы и простояли, слушая, как в душевой шумит вода. Она шептала мне что-то нежное на своём дивном языке и успокаивающе гладила руками по спине. В тот момент я испытала совершеннейшее счастье и тихонько заплакала от избытка противоречивых чувств.

Шум душа резко прекратился, послужив горестным сигналом о том, что мне пора снова брать себя в руки. Марьяна аккуратно отстранилась и легко поцеловала меня в губы. После этого, мягко опустилась вниз, касаясь тела горячей грудью и теплыми ладонями. Остановилась на уровне моих бёдер, разглядывая меня «там». Я невольно смутилась, не зная, что делать.

— Если бы видела, какая ты миленькая! — Марьяна, улыбнулась проведя кончиками ногтей вдоль моего живота. Не смотря на совсем недавно пережитый оргазм, я снова почувствовала возбуждение.

— Такая аккуратненькая... — Жемчужина Востока погладила меня по бёдрам, приблизилась и поцеловала мою влажную впадинку между безволосых холмиков.

— Нет-нет! Что ты делаешь?! — вздрогнув от удовольствия, я отстранилась, стесняясь внешнего вида своих губок, которые я тайком брила папиным станком для лица недели уже как две назад.

Из душевой послышался шум фена.

Дивная восточная богиня подобрала платье у моих ног и помогла надеть его обратно. Лучезарно улыбаясь, вытерла слёзы в уголках моих глаз.

— Почему ты плачешь? — она нежно накрыла мою щеку ладонью.

— Просто... — я непроизвольно хлюпнула носом. — Это всё в первый раз и... — я судорожно подбирала слова на английском. — Не так как представлялось.

— Лучше? — Марьяна рассмеялась, опустила руку и стала ловко застегивать пуговицы, оставив расстёгнутыми две верхних, сделав мне декольте. Посмотрела мне в глаза. — Я рада с тобой познакомиться... — Она коротко чмокнула меня в губы, доверительно тронула за руку и легкой походкой подошла к винтовой деревянной лестнице на второй этаж. Взглянув на меня, она поднялась наверх.

Всё это время я смотрела на её пропорциональное, женственное тело, словно бы специально созданное для секса. Хотя попа была, действительно, великовата. Пыталась я найти хоть какой-то изъян.

Стараясь отвлечься, я только тогда обратила внимание насколько богатой по меркам бывшего СССР была квартира. Просторная. С массивной резной мебелью. Большим диваном и креслами с высокими подголовниками. Стильным чайным столиком перед телевизором Sony. Картинами и тяжелыми гобеленами над высоченными во всю стену окнами. На потолке лепнина и хрустальная люстра.

Фен выключился и вскоре отворилась дверь в ванную комнату. Я вновь прилипла взглядом к столешнице комода, продолжая рассматривать фотографии тётки и иногда Марьяны на фоне необычных для меня пейзажей. Еще раз вытерла слёзы под глазами, поправила причёску. В коридоре послышались шлепки босых ног. Я непроизвольно напряглась, так как всегда чуть побаивалась Людмилу.

— Ох! Какой у тебя здесь приятный холодок! Марьяна включила? — она по-хозяйски вошла в гостинную, подворачивая полотенце в узелок подмышкой.

— Д-да... Гхм, — с хрипотцой ответила я, взглянув на тётю. Махровое полотенце было явно

коротким по всем направлениям и разъезжалось от плеча, обнажая левый край большой груди, целиком демонстрируя красивый и плавный изгиб тела от талии к сильному бедру и длинным ногам, чуть закрывая живот. Мечта любого древнегреческого скульптора.

Людмила блестела от масла и еще от неё очень приятно пахло. Я бы сказала волнующе вкусно. Тогда я еще не знала, что такой будоражащий аромат даёт кокосовое молочко с корицей. И невольно прикусила губу, пытаясь не возбудиться на всю эту демонстрацию наготы, силы и здоровья.

— А что ты такая квёленькая? — она подошла ко мне и коснулась лба. — Не заболела? — без макияжа и косметики она казалась заспанной, но всё такой же красивой.

— Перегрелась... — я с трудом отвела взгляд от обнаженной части её тела. Ровный бронзово-красный загар. Никаких следов от купальника, ни вверху, ни, как я успела заметить, внизу. Мне стало завидно.

— Так, давай, доставай трусы, майку и в душ! Осторожно, там иногда горячая вода пропадает, надо кран вверху повернуть... — она поправила рукой умощенные волосы, которые длинными прядями вальяжно скатились обратно, прикрывая лицо.

— Знаю, — ляпула я, наслаждаясь диковинным и очень приятным запахом.

— Откуда? — тётя нахмурилась, мазнув взглядом по моему импровизированному декольте. Я невольно повела плечом, делая грудь привлекательней.

— Та, — махнула я по-хохлятски и присела около чемодана, вновь открывая его. — Проходила Марьяна в одних трусах, сказала, что намокла пока душ включала, рассказала про кран. — соврала я. — Включила «батарею» и ушла наверх. — Я достала пакет с нижним бельём.

— Батарею? Ах-ха-ха! — Людмила открыто и звонко рассмеялась. — Вот ведь, а еще «городскАя»! — улыбаясь она потрепала меня по голове. — Ох, ну и волосы у тебя жесткие! Характерная небось!?!

Я кивнула в ответ, краем глаза разглядывая её безупречный педикюр на пальцах ног.

— Тю! Оцэ вот такэ у вашёму Ленингради носят? — она перешла на суржик, глядя на мой пакет с бельём. — Мда...

— Трусы, как трусы — я вытащила пурпурные с неприличным, как мне тогда казалось вырезом.

— Ты на Марьяни трусы бачила? — тётя наклонилась, одной рукой придерживая полотенце, запустила холёную кисть в мои тряпочки.

— Ну, видела... — достала из другого пакета весёленькую футболку для сна и небольшой личный ридикюль. — И как? — она разогнулась, перепахнула сползающее полотенце, на мгновение показав себя обнаженной.

— Классные, если честно, — усмехнулась я и покраснела, вспоминая смуглую попу и увидев голые спортивные изгибы тётки.

— Именно шо! — она нравоучительно кивнула, отчего её волосы сползли тёмно-рыжим морем на лицо.

— Ладно, нэ торбуся... — она поправила прическу. — Знайдэм тоби тэж «классные» — последнее слово она специально произнесла по-русски, а затем как-то по-особенному посмотрела на меня и продолжила. — Ты красивой девкой стала, а красивые девки в таком не ходят. — Она стрельнула глазами на пурпурное «хабэ» в моих руках.

— Тебе, кстати, где стелить? На диване или кресле?

— На диване... — мне было очень лестно от её комплимента.

— В кресле посишь, — безапелляционно заявила Людмила и направилась вглубь залы. — Иди мойся, полотенце там твоё рыжее. Его возьми! — приказала она, не оборачиваясь.

Я улыбнулась тому, зачем надо было спрашивать.

Потом еще разочек глянув на большие и сильные полуобнаженные ягодички, ушла в ванную. Оставшись одна, я разделась и посмотрела на себя в зеркало. После слов Людмилы, и восхищенных взглядов Марьяны, я видела там уже другую девушку. Красивее и, совершенно точно, сексуальнее.

— Сегодня у тебя был секс... — тихонько сказала я своему отражению, включая воду и ополаскивая руки, вновь ощущая трепет от совсем недавних переживаний.

Закончив умываться, я залезла в ванную и без проблем справилась с краном, отметив правда, чудной водоизлив, в котором поворотом ручки менялась скорость воды.

Наслаждаясь теплыми потоками, я прижала душ, сжав локтями груди вместе, закрыла глаза, чувствуя, как скатываются ручейки вдоль ложбинки.

Перед моим внутренним взором стремительно пронёсся весь тот, один из самых необычных дней в моей жизни. Совершенно новые ощущения от присутствия тётки, знакомство с Марьяной, прогулка по городу и совместный ужин с вином... которое я тоже пробовала в первые, моё тайное наблюдение и, конечно же, «десерт». Я невольно задрожала и вместе со струями воды, вниз опустилась и моя рука, остановившись между ног. Поливая соски и груди, я прислонилась к цветному кафелю плечом и плавно задвигала рукой вниз. Совершенно не собираясь достигать пика, я размеренно и медленно мастурбировала, смакуя интимные эмоции и эротические образы прошедшего дня, получая удовольствия от растущей внутри живота сладкой истомы.

Почувствовав, что могу увлечься, я неспешно остановилась и вымылась вся. Вытерлась рыжим полотенцем, как и настояла тётка.

Снова включила в раковине воду и поняла, что моя зубная паста осталась после поезда в отдельном пакете в чемодане. Имея бзик, касательно гигиены полости рта, я даже и помыслить не могла взять в руки чужой тюбик. Оставив воду включенной и обмотавшись полотенцем на манер Людмилы, я тихо вышла и быстро на носочках направилась в гостинную, чувствуя как ветерок от ходьбы холодит лобок и ягодички под коротким махровым одеянием.

В зале было темно, лишь малая его часть освещалась светом желто-красного фонаря с улицы. Одно из больших кресел было разложено и застелено. Чемодана на месте не было. Я чуток запаниковала. Зашла в гостинную, которая мне вдруг показалась страшной со всей этой массивной резной мебелью и вскоре обнаружила свой чемодан аккуратно поставленным в нише около винтовой лестницы так, чтобы тот не мешал проходу.

Я подошла к своему дорожному спутнику, раскрыла молнию на боковом кармане и вытащила небольшую косметичку, в которую я второпях сунула щетку в поезде, собираясь. Внезапно меня привлёк очень странный звук, который был похож на тихий и робкий плач. В голову мне сразу полезла всякая мистика на счет призраков и привидений. Поборов внезапный прилив страха, я отложила щетку и стала тихо-тихо подниматься по лестнице...

На втором этаже, над гостиной, оказалась такая же большая комната. Это была спальня, которую также освещал фонарь с улицы. Деревянные двери с цветными витражами были приоткрыты, раскрывая вид на роскошную большую кровать. Всхлипывания мне показались громче, а рассеянного света чуть больше, хотя может просто глаза привыкли темноте. А еще

мне стал слышен новый странный звук, как будто бы кто-то громко и с причмокиванием облизывал леденец, стараясь его быстро-быстро съесть. «Тогда почему бы просто не разгрызть?» — пришла мне в голову внезапная мысль.

Я приподнялась на ступеньку выше, аккуратно выглянула из-за балясины лестничных перил и... обмерла.

Утопая в приглушенном желто-красном свечении, на кровати лежала, словно греческая богиня, Людмила. Её скульптурное голое тело блестело и неровно вздрагивало. Волосы растрепались, а голова с плотно зажмуренными глазами, была повернута в мою сторону. Людмила с силой закусывала согнутый указательный палец, видимо, чтобы не закричать. Большая грудь вздымалась вверх и вниз в такт тяжелому дыханию, переходящего во всхлипывание при каждом выходе. Это было потрясающе красиво и невероятно сексуально. По неопытности лет я не сразу поняла, что происходит, а когда мгновением позже осознала, мне вдруг сделалось стыдно, за такое подглядывание и почему-то неловко за тётю.

Не смотря на муки совести, уйти я не смогла, решив подсмотреть еще чуть-чуть. То, отчего Людмила так сладко постанывала, мне видно не было из-за прикрытой правой двери.

Я залюбовалась. Красота Люды была не такой откровенно сексуальной как у Марьяны, а естественной и спокойной, как сама природа. То насколько может быть красивой хорошо сложенная и уверенная в себе женщина.

Внезапно Людмила издала протяжный стон и всё её грациозно сильное тело напряглось, изогнулось, наполняясь снизу частой дрожью. Моих интимных губок, в который раз за сегодняшний день коснулись женские пальцы и заскользили вокруг клиторка. Мой секс-колокольчик болел, но послушно твердел, одаривая удовольствием свою озабоченную молодую хозяйку.

Тем временем, Люда, совершила движение ногой, будто бы с силой оттолкнула кого-то, а затем прижала колени к груди. Вытащив изо рта палец, она опустила руку вниз, подняла голову и, глядя себе между расставленных ног, стала сильно мастурбировать, хотя её напряженное тело и так, чуть ли не подпрыгивало от судорог множественного оргазма. Совершенно обалдев от такого зрелища я сама стала двигать рукой быстрее. Маленькая шалость в ванной, всё-таки дала о себе знать. У меня быстро стали дрожать и подгибаться в коленках ноги. Я ухватилась свободной рукой за балясину, а от резких и быстрых движений с меня сползло полотенце. Поднять я его я уже не могла, потому что, не смотря на болезненные ощущения под клитором и в вагине, я опять начинала кончать.

В одном из популярных в 90-ые, якобы английском журнале, «Секс в Жизни Женщины» кажется, было сказано, что самый сильный оргазм у девушки достигается при мастурбации. Чуж и это, действительно, так. Примером тому была я, дрожащая на лестнице с ладошкой зажатой между ног и моя красивая тётя, скулящая в экстазе на огромной кровати.

Я открыла глаза, внезапно понимая, что отключилась на мгновение. Смешанные с болью оргазмические сокращения внизу живота оказались неожиданно насыщенными. Я подняла взгляд, ища Людмилу. Она лежала свободно раскинувшись в своем роскошном ложе и с присущим ей спокойствием во взгляде смотрела на меня. Меня как кипятком обдало!

— «Спалилась?!» «Или нет?» — пульсировало паникой в голове. — «Господи, стыдоба то какая!!!» — вопила истеричка в моей голове.

В открытом пространстве открытых дверей внезапно показалась обнаженная Марьяна и на сердце у меня, не смотря ни на что, нежно потеплело. Она шла глядя перед собой, поправляя

волосы. Выражение её лица было отчего-то грустным. Она быстро исчезла из виду, а я, воспользовавшись моментом, опустилась на пару ступеней, подхватила полотенце и кошкой спустилась вниз, на ходу вытирая об махру ладонь. Взяла щетку и рысью направилась в ванную. Прикрыла дверь и стала совершать вечернюю гигиену, стараясь не думать о произошедшем.

Облачившись в «неприличные» пурпурные трусики и цветастую майку я вскоре вышла из ванной и, направившись было в гостинную, заметила милый моим глазам силуэт в оконном проёме на кухне.

Марьяна курила в форточку, стряхивая пепел в блюдце на подоконнике. На улице наступила настоящая украинская ночь, когда не видно вообще ничего, кроме как чуть-чуть вокруг фонарей, а свет с улицы проникал на кухню совсем плохо. Она стояла вся такая восхитительно голая с самой красивой попой в мире, обхватив себя руками, держа между пальцами сигарету. Та тлела красным огоньком. Судя по тому, как вздрагивали её плечи, моя ненаглядная, плакала. Мне нестерпимо захотелось подойти и обнять её. Но я постеснялась.

— Марьяна... ? — я шепотом окликнула её по-английски.

— Что? — она полуобернулась ко мне и в отражении её бездонных черных глаз я увидела блеск слёз.

— Что-то случилось? — участливо поинтересовалась я, делая маленький шаг в сторону кухни.

— Ты плачешь?

— Нет! — ответила она раздраженно, резким движением вытирая глаза тыльной стороны ладони. — Это дым... Оля, — её голос чуть смягчился от слов моего имени. — Иди спать... — и отвернулась.

Я ощутила неприятный и холодный укол в своё влюбленное разбитое сердечко.

— Спокойной ночи, — тихо произнесла я по-английски и направилась в гостинную.

Не успела я войти, как заметила Людмилу, которая опускалась вниз, грациозно ступая по деревянным ступеням. На ней был надет длинный шелковый серебристый халат, в котором она выглядела настоящей королевой. Невесомая ткань струилась ртутью во время шагов, эротично огибая упругие изгибы её тела.

— Ты чего не спишь? — она остановилась и уткнула руки в бока.

— Мылась... — я густо залилась краской, стыдясь за эпизод на лестнице, надеясь, что в темноте не видно.

— Давай, сюда... — она неожиданно ласково взяла меня за руку и отвела к разложенному креслу. — Ложись... — она откинула простыню, которая летом заменяла одеяло и укрыла меня. Присела на краю и провела руками по голове, приглаживая волосы, затем погладила по спине. — Отдыхай... у тебя был длинный день, — она наклонилась и поцеловала меня в щеку прижавшись к моей спине.

— Спасибо... — тихо ответила я. Удивляясь приятной упругости её тела и что поцелуй, кажется, немного затянулся.

Людмила погладила меня по плечу, а затем, как бы поправляя простыню, провела ладонями по моей попе и бедрам.

— Удобно? — она чуть пощекотала кончиками ногтей углубление внизу спины, непроизвольно рождая в моём теле приятные мурашки.

— Умху... — я кивнула, не понимая, что происходит. Признаться себе, что меня «лапает» родная тётя представлялось совершенно невозможным.

— Добраничь... — сказала она по-украински и как-то странно прильнула ко мне, проскользив грудью вдоль спины, прижимаясь телом. Снова этот потрясающий запах... Опять новые ощущения. Я полуобернулась, стараясь понять, что происходит, Людмила же, вместо щеки попала в губы, я вздрогнула от неожиданности, а она кратко поцеловала меня и нежно погладила по лицу. Я же, выросшая в семье военных, сказать по правде, была обделена какой-либо элементарной лаской, потому что мама почти всегда приходила поздно с работы, папа часто уходил в море «в походы», а от старшего брата я выслушивала лишь язвы в свой адрес. Поэтому я несознательно потянулась к тётё за лаской и теплом, всё еще побаиваясь её стального характера. Людмила же встала и направилась в коридор.

Не удержавшись, я все-таки тихо посмотрела ей вслед, проклиная себя за озабоченность, но грациозно двигающиеся ягодицы и бёдра под длинным тонким серебром, стояли любых угрызений.

Вскоре из кухни послышался разговор. Женский диалог на языке пустынь и живописных оазисов, которые я видела на фотографиях и на картинках в сборниках восточных сказок. Окутанная внезапным вниманием Людмилы, мелодичной чужой речью и магией далёких стран, я на удивление быстро уснула.